

он истинным оборотнем или останется магом способным к перевоплощению, чье магическое умение растет во благо людям.

Литература:

1. Лукьяненко С. Ночной дозор. Дневной дозор. Сумеречный дозор. М., 2004
2. Левкиевская Е.Е. Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М., 2001

Сараев Л. О.

Научный руководитель: Назарова Л. А.

кандидат филологических наук, доцент

УрГУ, Екатеринбург

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ ЭЛЬЗЫ ЛАСКЕР-ШЮЛЕР «ЯКОВ»

Эльзу Ласкер-Шюлер (1869 – 1945) по праву считают одним из известнейших поэтов немецкого экспрессионизма. Ее современник, поэт Готфрид Бенн, отмечал, что поэтесса «обладала великолепным талантом» и в большинстве своих произведений «попыталась соединить воедино еврейское и немецкое начала». Результатом этого культурно-поэтического синтеза стал цикл «Еврейские баллады», где каждое стихотворение посвящено одному из героев Ветхого Завета.

Религиозная тема в литературе рубежа XIX-XX вв. являлась одной из самых актуальных, поскольку в обществе того времени господствовало предчувствие великой катастрофы – дня Страшного суда. Немало способствовало появлению таких умонастроений и теория Ф. Ницше о сверхчеловеке, в которой говорилось о том, что «Бог умер». Лирика, как выражение субъективного мироощущения, ощутила на себе влияние данных мотивов и буквально «завладела» этой литературной эпохой. В России это было декадентство и «серебряный» век. В Европе самым ярким примером стал немецкий экспрессионизм, чьим «ключевым образом...стал Апокалипсис» - на это указывает в своей статье «Поэзия эпохи перемен» В. Топоров. К сожалению, немецкий литературный экспрессионизм, широко изученный в западном литературоведении (Л. Ришар, К. Пинтус, И. Барк), практически неизвестен в отечественной литературной критике. Среди известных отечественных научных трудов можно назвать работу «Немецкая литература от древности до наших дней» А. Н. Гиривенко и монографию Н. Пестовой «Немецкий литературный экспрессионизм», от которой мы отталкивались при написании данной статьи, поскольку она наиболее близка к теме.

Религиозный подтекст в лирике немецкого экспрессионизма является, на наш взгляд, одним из важных пунктов исследования данного литературного течения, поэтому в данной статье мы поставили следующие задачи:

- 1. Провести подробный анализ стихотворения «Jakob» («Иаков») из цикла «Еврейские баллады», используя в качестве дополнительного материала перевод А. Парина;
- 2. Сопоставить лирическое произведение в ветхозаветным первоисточником на интертекстуальном уровне;
- 3. Выявить новые концепты, вносимые автором в стихотворение.

Для начала мы приведем оригинальный текст и текст перевода:

ЯКОВ	ИАКОВ
Jakob war der Büffel seiner Herde. Wenn er stampfte mit den Hufen, Sprühte unter ihm die Erde.	Был посмешищем Иаков стаду: Коль о землю бил копытом, Тыщи искр летели кяду.
Brüllend ließ er die gescheckten Brüder! Rannte in den Urwald an die Flüsse! Stillte dort das Blut der Affenbisse.	С ревом он бежал от пестрых братьев. У ручьев скрывался в диких чащах, Чтобы кровь не шла из ран саднящих.
Durch die müden Schmerzen in den Knöcheln Sank er vor dem Himmel fiebernd nieder, Und sein Ochsgesicht erschuf das Lächeln.	Боль лодыжки жгла, как прут горячий. Ник пред небом он, весь пыл утратив, Но таил улыбку лик бычачий.

Заглавие стихотворения отсылает читателя к родоначальнику израильско-иудейских племен, и прежде чем говорить о лирическом произведении, приведем краткое описание бытия ветхозаветного Иакова.

В Библии Иаков является младшим из двух сыновей-близнецов Исаака и Ревекки. Он откупил у брата Исава право первородства за чечевичную похлебку и хитростью получил благословение Исаака как первородный сын (Бытие, 25, 29-34). Спасаясь от гнева родного брата, отправился своему дяде, Лавану, в Харран (Месопотамия). Иаков служит у дяди за свою жену, затем покидает его. После борьбы с Яхве он получает новое имя, Израиль. После скитаний Иаков живет в Египте у своего сына Иосифа, проданного другими братьями в рабство. Перед смертью каждому сыну он произносит напутствие (49). Прах его сыновья привозят в Ханаан и хоронят в пещере.

В тексте стихотворения, как нам кажется, изображен момент бегства Иакова из дома и его «посвящение» в будущего родоначальника племен. На первый взгляд между ветхозаветным текстом и текстом стихотворения не наблюдается никакой связи. Тем не менее, мы можем

увидеть отдельные элементы, которые делают данную связь актуальной. В первую очередь обращает на себя внимание то, что поэтесса делает героем быка («der Büffel»), который носит имя Иаков и принадлежит «своему стаду» («seiner Herde»). Образ быка несет в себе, на наш взгляд, значение «бог» [4, 117], т. е. это символ священности, физической и духовной силы, которая превосходит человеческую. Что касается слова «die Herde», то одним из его значений является «паства». Таким образом, можно предположить, что под «стадом» аллегорически изображается еврейский народ. Цель такого изображения состоит в том, чтобы показать богоизбранность еврейского народа и, в частности, выделить из «стада» Иакова, как будущего основателя рода. В то же время мы можем рассмотреть образ стада как негативную оценку со стороны автора. В последующих строках мы видим, что поэтесса называет окружение Иакова «пестрыми братьями» («die gescheckten Brüder»). Это объединяет их и еще больше выделяет из стада Иакова, который помимо своего имени еще и наделен особенностью, отличающей его от остальных («Wenn er stampfte mit den Hufen // Sprühte unter ihm die Erde» – «Когда он бил копытом, разбивалась под ним земля»).

В последующих строках читатель наблюдает, как не принятый стадом в силу своей странной особенности герой «с ревом» («brüllend») оставляет «пестрых братьев» («die gescheckten Brüder») и бежит в «древний лес к рекам» («in den Urwald an die Flüsse»). Слово «Urwald» кроме своего основного значения может также переводиться, как «девственный лес». В связи с этим переводом можно вспомнить «Песни Невинности и Опыта» У. Блейка, где невинность (девственность) указывается как принадлежность к божественному началу. В данном поэтическом контексте образ «девственного леса» - это не только принадлежность к божественному началу, но и символ очищения от прошлого и начало новой жизни. Бегство Иакова, на наш взгляд, можно объяснить как поиск одиночества, поскольку он не принят своим стадом, или как попытку избежать дьявольского соблазна уподобиться стаду. Поэтесса говорит о бегстве героя, акцентируя каждое его действие («Brüllend ließ er die gescheckten Brüder! // Rannte in den Urwald an die Flüsse!» - восклицательные знаки завершают строки) и тем самым подчеркивая, как мы считаем, его физические и душевные страдания. Бегство в мир природы является той стадией бытия, в которой, по мнению автора, герой обретает одиночество и покой, возможно, даже спасение. Все, что было до этого («обезьяньи укусы» - «Affenbisse», утрата братьев - «Brüllend ließ er die gescheckten Brüder!»), - это, на наш взгляд, необходимое испытание, чтобы доказать то, что Иаков достоин быть избранным для основания рода.

В последней строфе мы видим, что герою еще отдаются «усталые боли» («die müden Schmerzen») прошлого. При этом поэтесса, как мы считаем, пытается вызвать у читателя сострадание к своему персонажу. Для этого она использует метафору («обезьяньи укусы» -

«Affenbisse»), а также звуковые ассонансы и аллитерации:

«Brüllend ließ er die gescheckten Brüder!

Rannte in den Urwald an die Flüsse!

Stillte dort das Blut der Affenbisse.

Данная звуковая экспрессивность производит сильное впечатление. Боли жгут, «как прут горячий», но Иаков уже утрачивает то, что связывает его с этим миром. Он «ник пред небом» («sank er vor dem Himmel...»), и его «бычье лицо улыбнулось» («Und sein Ochsgesicht erschuf das Lächeln»). Эпитет «Ochsgesicht» еще раз акцентирует намеренно взятый поэтессой образ быка, наделяя Иакова божественным началом в нем и его избранностью.

Мы считаем нужным отметить, что текст стихотворения значительно отступает от ветхозаветного текста. В первую очередь, конечно, бросаются в глаза образы быка и стада, но, как мы уже сказали выше, эти образы несут в себе «божественную» семантику. Тут же следует обратиться к переводу А. Парина, где Иаков назван не быком, а «посмешищем» стада. Такое определение лирического героя не делает акцента на его «избранности» и, следовательно, не является адекватным для понимания как стихотворения, так и всего цикла. «Библейский» Иаков изначально не проявляет в себе божественных черт, божественного начала. Наоборот, тем, что он совершил обман - откупил у брата право первородства за чечевичную похлебку, - он производит при знакомстве читателя с первоисточником отталкивающее впечатление. В Эльзы Ласкер-Шюлер Иаков изначально обладает действительно божественной силой - способностью «разбивать землю копытами» («sprühte unter ihm die Erde»). Глагол «sprühen» может также переводиться, как «сверкать», т. е. синоним глаголу «funkeln» – «искриться». В переводе мы видим именно «искры» в качестве характеристики лирического героя:

«...Коль о землю бил копытом,

Тыщи искр летели кряду».

Если мы обратимся к переводу А. Парина, образ искр, «искрящейся земли» можно интерпретировать как образ рождения чего-то нового, угасающего без внешней поддержки. Таким образом, изначальный конфликт Иакова со стадом – это конфликт неординарной личности среди толпы. Это объясняет использование А. Париным характеристики Иакова как «посмешища стаду».

В Ветхом завете изгнание Иакова вызвано тем, что он совершил грех (откуп у брата Исава права первородства и получение отцовского благословения хитростью) и впоследствии он долгое время искупает свою вину. Поэтесса, как мы видим, выбирает иные причины изгнания – странная особенность героя и наличие у него имени. Мы полагаем, что этот ключевой момент бытия Иакова опущен потому, что Эльза Ласкер-Шюлер видит перед

собой иную эстетическую цель. Ей важно изобразить не героя-грешника, переступившего высшие законы и потом долго расплачивающегося за это, а героя-«праведника», ставшего изгоем в родном пространстве и бежавшего в чужое пространство, где он обретает покой и спасение – награду за свои муки.

В «лесных чащах» Иаков находит покой, где вода «успокаивает его обезьяньи укусы». Конечно, ветхозаветный Иаков в изгнании также находит покой, но посредством своих поступков. Каждое его деяние – это искупление за его греховный поступок, за то, что он пошел против высших законов (Иаков добывает себе жену путем многолетней работы; борется с Неким в пещере и получает новое имя (Израиль); теряет и находит любимого сына Иосифа; видит месть сыновей за поруганную честь дочери).

Исходя из всего нами сказанного, мы считаем, что Эльза Ласкер-Шюлер путем собственного творения мифа об Иакове изображает в новом ключе традиционный для художественной литературы конфликт личности и толпы. Это касается не только одного героя – Иакова – но и любого другого человека в этом мире. Если касаться именно лирики, то данный конфликт преобразуется в традиционную оппозицию «Поэт и Толпа». При этом конфликт изображается в рамках библейского сюжета с целью показать многолетнюю его остроту и подчеркнуть избранность Поэта как посредника между людьми и Богом. Отбрасывая перипетии жизни Иакова, поэтесса берет лишь необходимые ей поворотные пункты сюжета. Она показывает героя изгоем в стаде – это, с ее точки зрения, обязательный показатель избранности. Затем она изображает изгнание героя и разрешение конфликта на уровне высших сил. Если связывать стихотворение и ветхозаветный источник, то разрешение конфликта также указывает на «избранность» Иакова. Наконец, данная концепция вместе с использованной поэтессой последовательностью событий в стихотворении преследуют, на наш взгляд, цель вызвать у читателя чувство сострадания и гуманного отношения к герою, который не грешник, как это представлено в первоисточнике, а избранник, лишенный связи с близким ему миром. При этом разрешение конфликта происходит, к сожалению поэтессы, лишь на божественном уровне, но не на земном.

Такое же видение мира изображено и в других стихотворениях цикла «Еврейские баллады». Например, в стихотворениях «Есфирь», «Руфь», «Саваоф» также наблюдается оппозиция «Поэт и Толпа», но правда используемая уже в другой оценке бытия. Кроме вышеперечисленных эстетических целей для читателя, как мы полагаем, ставится еще цель стать подобно Иакову непоколебимым в своей вере, отстаивать свою уникальность в этом мире. Таким путем можно достигнуть как гармонии внутри себя, так и гармоничной взаимосвязи с окружающим макрокосмосом.

Литература:

1. Библия. – М. : Российское библейское общество, 2002. – 309 с.
2. Гиривенко А. Н. Немецкая литература от древности до наших дней : словарь-справочник / А. Н. Гиривенко. – М. : Наука, 2003. – 104 с.
3. Сумерки человечества : лирика немецкого экспрессионизма / отв. ред. В. Л. Топоров. – М. : Моск. рабочий, 1990. – 271 с.
4. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов : В 2 т. / Н. В. Павлович. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – Т. 2. – 848 [896] с.
5. Пестова Н. В. Немецкий литературный экспрессионизм : учеб. пособие. По заруб. лит-ре / Н. В. Пестова. – Екатеринбург : изд-во Урал. гос. пед. ин-та, 2004. – 336 с.
6. Conrady K. O. Das grosse deutsche Gedichtbuch : von 1500 bis zur Gegenwart / K. O. Conrady. – München : Artemis & Winkler, 1991. – 979 S.
7. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch-Russisch : В 2 т. / Ред. Л. С. Блинова. – М. : Астрель, 2002. – 1120 [1216] с.
8. Lasker-Schüler E. Werke : Lyrik, Prosa, Dramatisches / E. Lasker-Schüler. – München : Artemis & Winkler, 1991. – 526 S.
9. Музрукова Т. Г. [и др.]. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2001 [Электрон. ресурс]. – Электрон. дан. и прогр. – М. : «Кирилл и Мефодий», 2001. – 2 электрон. опт. диска (CD-ROM).

Свешникова Т.А.

*Научный руководитель: М.А. Литовская
доктор филологических наук, профессор
УрГУ, Екатеринбург*

ЖУРНАЛ «GALA»: ФРАНЦУЗСКАЯ И РУССКАЯ ВЕРСИИ

Французский ежемесячник «Gala» сочетает в себе черты еженедельника ««пипл»» и женского журнала. Марк Фурни, главный редактор журнала, во вступлении к книге ««Gala». 10 лет со звездами» пишет: «Этот журнал листают, как семейный альбом. Он ассоциируется с повседневной жизнью французов. Свадьбы, рождение детей, траур, но также и победы, короче все, что составляет соль жизни, пену дней – все это мы запечатлеваем в большом формате и на глянцевой бумаге. Эти застывшие на пленке мгновенья - целый фрагмент эпохи, который проходит перед глазами, как большой парад, как последняя взлетная полоса в начале третьего тысячелетия. Рентгеноскопия конца века с его идолами, страстями и